

КУЗЬМЕНКОВ Е. А.

О ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Классификация лексических единиц обычно основывается на грамматических или семантических признаках. Так, выделяемые в большинстве языков качественные и относительные прилагательные различаются чаще всего по способности образовывать степени сравнения. Однако далеко не во всех языках существуют компаративные формы прилагательных, которые могут разделить их на морфологические классы. В таких случаях прибегают к семантическому основанию классификации: вполне очевидно, что одни признаки, например, выражаемые словами со значениями «хороший», «красивый», могут принадлежать предмету в большей или меньшей степени, и, таким образом, один предмет может быть «лучше» или «красивее» другого, в то время как другие признаки, например, выражаемые словами со значениями «деревянный», «медный», могут либо принадлежать предмету, либо не принадлежать ему, т. е. не может быть предмета, который был бы «деревянее» или «меднее» другого.

Легко, однако, видеть, что существует и универсальный собственно грамматический признак выделения такого рода подклассов лексических единиц, каковыми являются качественные и относительные прилагательные. Этот признак — синтаксический: и в языках, где имеются сравнительные формы прилагательных (например, в русском), и в языках, где такие формы отсутствуют (например, в монгольском), качественные прилагательные участвуют в особых сравнительных конструкциях. В русском языке это — обороты с союзом «чем», в монгольском — конструкции, в которых один из сравниваемых (обладающий данным качеством в меньшей степени) предметов выражается именем в исходном падеже. Ср.: монг. *энэ цаас тэр цааснаас* (исх. п.) *сайн* и русск. «эта бумага лучше, чем та».

Таким образом, если семантические различия не отражаются в морфологии, целесообразно искать их соответствия в области синтаксиса. При этом можно предположить, что различия в значениях, которые являются более абстрактными (к таковым, несомненно, относятся значения подклассов типа «качественный», «относительный», взятые выше в качестве примера), соответствуют и более ярким различиям в употреблении слов, чем противопоставленность по конкретным значениям. Последняя может сказываться на сочетаемости слов как таковых, а не на их участии в тех или иных синтаксических конструкциях. Таковы отношения, например, между словами, выражающими значения «круглый» и «квадратный», которые обнаруживают разную лексическую сочетаемость, но участвуют в идентичных конструкциях.

Чем разнообразнее синтаксические функции какого-либо слова, тем больше семантико-синтаксических корреляций обнаруживается в противопоставлениях отдельных лексем, их групп и целых классов. Наибольшие различия в сочетаемости мы наблюдаем у глаголов, которые в любом языке обладают богатым спектром различных моделей управления, большим разнообразием конструкций с участием различных глагольных форм (при развитии формообразовании). Наиболее существенным оказывается за вис и м о е окружение глагола, которое непосредственно позволяет разделить глаголы на классы и подклассы, что можно видеть хотя бы из практически универсального распределения глаголов на под-

классы переходных и непереходных, основывающегося на синтаксическом признаке наличия/отсутствия в окружении глагола прямого дополнения.

Попытки чисто семантически определить различие между переходными и непереходными глаголами вряд ли перспективны. В самом деле, сравним два таких глагола, как, например, *напевать* (переходный) и *подпевать* (непереходный). Мы видим, что они не просто близки по семантике, но и отражают примерно одну и ту же ситуацию, если, разумеется, не считать наличия дополнительного участника для «подпевания», который выражается адресатным дополнением «подпевать кому-л.». Если считать переходностью наличие в ситуации объекта и считать объектом «то, что поется», то с семантической точки зрения оба глагола выражают ситуацию с участием объекта, только в одном случае объект не требует (точнее — не допускает) самостоятельного выражения (*подпевать*), а в другом — обязательно отражается в синтаксисе (*напевать*), т. е. у глагола имеется валентность на прямое дополнение.

Вместе с тем, семантика глагольной лексемы и ее валентность определенным образом связаны. Последняя отражается в оптимальном окружении глагола. Согласно А. А. Холодовичу, оптимальное окружение — это такое «окружение, которое содержит минимальное число членов с неналоженными ограничениями» [1, 234]. В большинстве случаев такое окружение определяется интуитивно: при наличии оптимального окружения для понимания предложения нет «необходимости ни в знании определенной ситуации, ни в знании определенного контекста» [1, 234].

Опираясь на валентность как на классифицирующий признак, мы поделили опыт синтаксической классификации глаголов в монгольском языке и попытались пронаблюдать связь такой синтаксической классификации глаголов с их семантикой.

Членами окружения глагола могут быть такие синтаксические актанты: подлежащее, прямое дополнение, адресатное дополнение, инструментальное дополнение, аблативное дополнение и т. д. Указанные актанты, в том числе и подлежащее, могут оформляться в монгольском языке соответствующими маркерами: суффиксами падежей, послелогов, суффиксами притяжения, показателями темы. Поэтому определение синтаксических актантов носит чисто формальный характер.

Синтаксические актанты находятся в иерархических отношениях между собой. Приведенный список отражает эту иерархию (ср. с общеизвестной иерархией актантов Л. Теньера). Участие в конструкциях первых актантов (подлежащего и прямого дополнения) представляется особо существенным для описания валентностей. Ниже этому вопросу будет уделено особое внимание.

Первая задача, которую следует решить при подходе к классификации глаголов, такова: если считать, что лексическое значение глагола отражается в его валентности, то валентность глагольных форм должна оставаться неизменной для любых словоформ данной лексемы и любых позиций этих словоформ. Верно ли это?

Для монгольской глагольной лексемы, представленной тремя типами форм: финитные формы, деепричастия и причастия, этот вопрос решается положительно. Валентность глаголов в основном сохраняется у всех словоформ. Лишь в зависимых позициях могут происходить изменения валентности, которые несложно учесть. Эти изменения валентности обусловлены прежде всего трансформациями, в которых участвуют глагольные формы, по правилам, единообразным для всех глаголов. Ср.: *аав цай ууе* «отец выпил чай» — здесь финитная форма глагола *уух* «пить» занимает место сказуемого, валентность глагола реализуется в виде двух актантов — подлежащего и прямого дополнения. При переходе к определительной конструкции с участием другой глагольной формы — причастия — глагол может терять одну из своих валентностей: *цай уусан аав* «отец, выпивший чай», *аавын уусан цай* «чай, выпитый отцом» [букв. синтаксический перевод: «отца (род. п.) пивший чай»]. В последнем случае валентность меняется не только количественно, но и качественно: субъект

в так называемом неразвернутом придаточном определительном выражении именем существительным в род. падеже — *аавын «отца»*¹.

Качественное, но не количественное изменение валентности глагола может происходить во временных придаточных, ср.: *виднийг гэртээ ирэхэд гурван цаг болжээ* «когда мы пришли домой, было три часа» — здесь *ирэхэд* — причастие настоящего-будущего времени глагола *ирэх* «приходить» в дат. падеже — обозначает одновременность данного действия с действием, выраженным конечным сказуемым; субъект действия в придаточном выражен местоимением в вин. падеже — *биднийг* «нас» вм. *бид* «мы», как это было бы в независимом предложении, ср.: *бид гэртээ гурван цагт ирлээ* «мы пришли домой в три часа».

Качественные изменения валентности наблюдаются лишь при актан-тах-лицах, а неличные актанты выражаются одинаково при любой форме глагола и в любой позиции. Ср.: *хөндийд дэрс, цахилдаг ургасан* «в долине выросли ковыль и ирис», *дэрс, цахилдаг ургасан хөндий* «долина, поросшая ковылем и ирисом». Здесь в определительном придаточном предложении подлежащее (неодушевленное) не требует особых оформителей так же, как и в независимом предложении².

Как уже было сказано, синтаксически обусловленные изменения валентности подчиняются общим правилам, независимым от конкретного лексического значения глагола. Поэтому, чтобы не усложнять процедуру классификации, целесообразно, по-видимому, ограничиться рассмотрением независимых позиций, глаголов, т. е. тех, в которых они выполняют функцию сказуемого. В этой позиции, которую мы, вслед за Е. Куриловичем [5], считаем «первичной», глагольные формы всегда сохраняют свою валентность.

Из того, что члены одной и той же глагольной лексемы имеют одинаковую валентность, не следует, естественно, что глаголы с одинаковой валентностью имеют одно и то же значение. Но, как правило, глаголы одной и той же валентности обнаруживают некоторую семантическую общность.

Как известно, чем сложнее конструкции, образуемые глаголами, и чем больше характеристик в таких конструкциях совпадает, тем ближе между собой значения глаголов, вплоть до почти полной идентичности. Так, трехвалентные переходные глаголы составляют подкласс довольно разнообразных по значению лексем, например, *өгөх* «давать», *аврах* «спасать», *нэрлэх* «называть», *узүүрлэх* «заострять», *цохих* «бить» и др. Если выделить среди них глаголы, образующие конструкции с третьим актантом — инструментальным дополнением, то их общее значение можно приблизительно описать как «воздействие на что-л. посредством чего-л.». Из приведенного списка это — глаголы *узүүрлэх* «заострять» и *цохих* «бить». Если мы введем в качестве ограничения еще одну характеристику — возможность чередования прямого дополнения с директивным при локализации воздействия на объект, то останется группа глаголов типа *цохих* «бить», к которой также относятся глаголы *вишлэх* «пинать», *чичих* «тыкать» и т. п., обнаруживающие вполне определенную семантическую общность. Внутри этого подкласса глаголов с довольно узким значением семантические различия носят еще более специфический характер, которые также сказываются на окружении глагола в виде лексической соче-

¹ Вопрос о статусе придаточного предложения до сих пор обсуждается в монголистике. Наиболее подробно и последовательно эта проблема рассмотрена в работах [2, 3]. В настоящей работе за основу принята концепция З. К. Касьяненко (см. [4, с. 80]), согласно которой придаточное и главное предложения соотносятся с разными субъектами, в противном случае конструкция характеризуется как оборот.

² Изменения валентности, обусловленные синтаксическими причинами, принципиально отличны от изменения валентности при деривации, т. е. при переходе от одной лексемы к другой. Ср.: *байшингийн барилга* «строительство дома» — здесь определение *байшингийн* «дома» оформлено род. падежом как определение при отглагольном существительном *барилга* «строительство» (от глагола *барих* «строить»), оно выражает объект, который при глагольной форме оформляется вин. падежом: *байшинг барьсан* «дом построили». Всегда имеется возможность отличить изменение валентности, обусловленное синтаксисом, от изменения валентности, обусловленного деривацией, имеющей результатом противопоставление различных лексем.

таемости, например, *пнуть* можно *ногой*, но не *кнутом* и т. п., т. е. существуют ограничения на выбор слова, выражающего дополнение.

Более детальная классификация может быть проведена, если учитывать не только вид конструкции, которую образует данный глагол, т. е. его валентность, но и то, какие семантические роли (семантические актанты) представлены членами окружения глагола (синтаксическими актантами). Соотношение семантических и синтаксических актантов является существенным для характеристики валентности глагола, связано с его семантикой и, таким образом, релевантно для классификации. Это соотношение, называемое диатезой [1, с. 280], и его роль для классификации глаголов можно проиллюстрировать на паре глаголов, связанных между собой отношением каузативной деривации³: *арчи* «вытирать» и *арчуулах* «заставить вытирать» (суф. *-уу* образует каузативные дериваты, присоединяясь к первичной основе глаголов). Эти глаголы имеют формально идентичные окружения — подлежащее, прямое дополнение и инструментальное дополнение (см. ниже), но значения глаголов не идентичны, хотя и имеют общий элемент. Различие в значении сказывается прежде всего в том, что в конструкциях, образованных этими глаголами, синтаксическим актантам — подлежащему и инструментальному дополнению — соответствуют разные семантические актанты. Для *арчи* «вытирать» это — субъект и инструмент, соответственно, а для *арчуулах* «заставить вытирать» это — каузатор и субъект каузируемого действия. Ср.: *би алчуураар цонхыг арчи* «я вытер окно тряпкой»; *ээж надаар цонхыг арчуулав* «мама попросила (заставила) меня вытереть окно» (букв.: «мама мною окно вытерла»). На употреблении инструментального дополнения *алчуураар* «тряпкой» во втором предложении накладываются примерно те же ограничения, по которым затруднительно выразить в одном и том же русском пассивном предложении субъект и второй объект, которым соответствуют словоформы с одним и тем же твор. падежом, например, **стол накрыт мною скатертью*.

В каузативном предложении (с глаголом *арчуулах*) инструментальное дополнение, выражающее субъект каузируемого действия, «вытесняет» инструментальное дополнение — инструмент. В этом можно усмотреть проявление иерархии семантических актантов, которая сказывается в предпочтении одного актанта другому при идентичном оформлении соответствующих словоформ.

Роль противопоставления диатез в классификации глаголов можно проследить и на других примерах. Формально идентичные конструкции образуют глаголы типа *итгэх* «верить» и пассивные дериваты переходных глаголов, которые мы трактуем как самостоятельные лексемы. И те, и другие имеют в своем окружении подлежащее и адресатное дополнение, но эти члены предложения выражают разные семантические актанты. Для окружения глагола *итгэх* «верить» диатеза будет следующей: подлежащее — субъект, адресатное дополнение — объект, например, *би ... гэдэгт* (дат. п.) *итгэнэ* «я верю, что...». Для пассивных глаголов характерна такая диатеза: подлежащее — объект, адресатное дополнение — субъект, например, *хонь чононд идэгдсэн* «овца съедена волком» (*идэгдэх* — пассивный дериват от глагола *идэх* «есть, съесть»).

Таким образом, характеристика глагола по его валентности должна включать указание не только на его оптимальное окружение, но также и на соответствующую ему диатезу.

Следующим существенным моментом для классификации глаголов является «дополнительная» семантическая характеристика присущих данному глаголу синтаксических актантов — их принадлежность к определенному семантическому типу, например, личный/неличный, одушевленный/неодушевленный. Хорошо известно, что такого рода семантические различия часто коррелируют со значением глагола и с его синтаксическим подклассом. Существуют глаголы, сочетающиеся только с подле-

³ Каузативные глаголы монгольского языка мы считаем отдельными (производными) лексемами, а не формами соответствующих глаголов.

жащим — лицом, например, *бодох* «думать» или только с предикативным прямым дополнением, например, *болих* «прекращать». Глагол *тохиолдох* «сталкиваться, встречаться» имеет различное окружение в зависимости от семантического типа второго участника ситуации (первый участник — субъект, выраженный подлежащим): если этот второй участник одушевленный, то глагол проявляет валентность на комитативное дополнение, оформляемое совместным падежом, а если — неодушевленный, то он присутствует в окружении глагола в виде местного дополнения (дательного-местный падеж). Ср.: *ойгоор хамаагүй хол явбал араатантай* (совм. п.) *тохиолдох байх юм* «если забрести слишком далеко в лес, то можно повстречаться с диким зверем»; *хүний амьдралд* (дат.-м. п.) *яна бүрийн юм тохиолдох л юм даа* «в жизни человека встречается всякое».

Для классификации глагольных лексем в монгольском языке мы использовали следующие семантические характеристики актантов, тем или иным образом коррелирующие с синтаксической структурой и значениями глаголов: одушевленные: лица/нелица, неодушевленные: стихии/части тела/предметы/ситуации.

Взяв за основу характер окружения, присущего глаголу, мы можем произвести первичную классификацию, устанавливая для каждого класса две основные характеристики: синтаксическую — типичную для данных глаголов конструкцию, и семантическую — типовое значение, свойственное этим глаголам. Дальнейшая классификация учитывает диатезы и семантические типы актантов.

Процесс классификации включает следующие фазы:

1. Выделение переходных и непереходных глаголов.

Необходимость употребления прямого дополнения является различительным признаком переходных глаголов. Этот, второй в иерархии, актант не только является важным конструктивным показателем, но и свидетельствует о наличии определенных семантических элементов в значениях глаголов, что сказывается, в частности, на возможностях морфологической деривации. Так, переходные глаголы образуют пассив, а непереходные, как правило, нет; различны модели каузативных дериваций тех и других и т. п.

Для монгольского языка нетипичны глаголы, образующие и транзитивные и интранзитивные конструкции, такие, как, например, англ. *boil* «кипеть» и «кипятить». Лишь очень немногие глаголы могут проявлять такую двойственность. Существует глагол *төрөх* «рожать» и «рождаться»; переходно-непереходными можно считать некоторые глаголы со значением «действие над собственным телом», например, *сарвайх* «растопырить» и фазовые *эхлэх* «начинать», «начинаться», *дуусах* «кончать», «кончатся»: *заводын ажил эхэлсэн* «работа завода началась», *завод ажлаа эхэлсэн* «завод начал свою работу». Основная масса глаголов вполне определенно может быть разделена на переходные и непереходные.

2. Следующая операция — распределение глаголов на подклассы по мощности окружения. Непереходные глаголы, в основном, одно- и двухвалентны⁴. Трехвалентных непереходных глаголов очень немного. Это — некоторые глаголы движения, например, *шилжих* «перемещаться откуда-л. куда-л.».

Одновалентные глаголы составляют подкласс, который можно называть, ориентируясь на их общее типовое значение, глаголами состояния. С ними сходны по своей семантике двухвалентные глаголы со вторым актантом, выраженным адресатным или аблативным дополнением, типа *гомдох* «быть обиженным на что-, кого-л.» и *айх* «бояться чего-, кого-л.».

⁴ Подлежащее может находиться при любом монгольском глаголе. Нуль-валентных глаголов, наподобие русск. *светать*, в монгольском языке нет. Приводимый в некоторых работах глагол *зуншиж* «становиться по-летнему» не является исключением, ср.: *улирал зуншиж байна* «дело идет к лету» (букв.: «сезон становится летним») — здесь *зуншиж* проявляет себя как обычный одновалентный глагол состояния (погоды, времени года). Таким образом, подлежащее (точнее — факт его наличия) нерелевантно для классификации само по себе. Лишь в отдельных случаях необходимо рассматривать его семантический тип, но всегда следует учитывать его семантическую роль, т. е. представляемый им семантический актант.

Последние могут быть названы «глаголами каузированного состояния». Это наименование кажется вполне оправданным, если учесть, что в соответствующих каузативных конструкциях второму актанту некаузативных (адресатному и аблативному дополнениям) отвечает подлежащее — каузатор. Ср.: *би түүнд гомдов* «я на него обиделся», *тэр намайг гомдоов* «он меня обидел», *би түүнээс айна* «я его боюсь», *тэр намайг айлгана* «он меня пугает» (*гомдоох* и *айлгах* — каузативы от *гомдох* «обижаться» и *айх* «боятся»).

Переходные глаголы бывают двух- и трехвалентные. Отдельные четырехвалентные глаголы могут быть объединены с близкими по семантике трехвалентными. Например, глагол *орчуулах* «переводить что-л. с какого-л. языка на какой-л. язык» может быть включен в подкласс трехвалентных глаголов локализации объекта, таких, как *тавих* «ставить, помещать что-л. куда-л.» и др.

3. Дальнейшая классификация производится по типу актанта, следующего по иерархии за прямым дополнением, т. е. это — второй актант для двухвалентных непереходных глаголов и третий — для трехвалентных переходных. И в той, и в другой группе это разделение может рассматриваться как «классификация по косвенному дополнению». При этом обнаруживается соответствие между рядом подклассов непереходных глаголов и рядом подклассов переходных. Это лексическое соответствие наподобие *салах* «отделяться»/чөлөөлөх «освобождать» или *орших* «находиться, обитать»/тавих «помещать, ставить» и т. п. носит характер противопоставления некаузативных и каузативных глаголов, что отражается также в морфологическом каузативе (суффиксы каузативного значения) — *салах* «отделяться»/салгах «отделять», *орших* «находиться»/оршуулах «заставить находиться, помещать; хоронить» — и в так называемом коррелятивном каузативе⁵.

4. Следующим этапом классификации является разделение глаголов в зависимости от семантических ролей актантов, выраженных членами окружения. Например, двухвалентные непереходные глаголы, окружение которых состоит из подлежащего и аблативного дополнения, разделяются на глаголы типа *айх* «боятся», при которых аблативное дополнение выражает причину, источник состояния, и глаголы типа *салах* «отделяться», при которых аблативное дополнение выражает семантическую роль «место», «пункт отделения» (как в прямом физическом, так и в переносном смысле). Ср.: *түүнээс айна* «боятся этого», *түүнээс салахыг оролдоно* «старается отделаться от этого».

Обычно различие в семантических ролях актантов, т. е. различие в диатезах, связано с выделением существенно различных по семантике подклассов, ср., например, противопоставление глаголов фактитивного значения и глаголов, обозначающих ситуации, в которых присутствует несколько объектов или объект и инструмент (см. выше пример с глаголами *арчих* «вытирать» и *арчуулах* «заставить вытирать»). Однако различные семантические роли иногда бывают у актантов, входящих в окружения глаголов, достаточно близких по значению. Так, глаголы типа *өгөх* «давать» и каузативы пермиссивного значения наподобие *үзүүлэх* «показывать» (от *үзэх* «смотреть, видеть»), хотя и имеют разные диатезы при однотипной конструкции, но семантика их близка благодаря наличию и у тех, и у других бенефактивного значения. Ср.: *би түүнд ном өгөв* «я дал ему книгу», *би түүнд ном үзүүлэв* «я показал ему книгу». Здесь в первом предложении *би* «я» обозначает субъект, *түүнд* «ему» — адресат, во втором предложении *би* «я» каузатор, *түүнд* «ему» — субъект каузируемого действия. В обоих предложениях *түүнд* «ему» выражает бенефициент, коррелятивный в первом случае — адресату, во втором — субъекту.

5. Учет семантического типа актантов позволяет произвести дальнейшее разделение глаголов на подклассы. Так, глаголы состояния (одновалент-

⁵ Коррелятивный каузатив представлен парами глаголов, образованных чередующимися суффиксами *-л* и *-р*. Эти глаголы противопоставлены как каузативные и некаузативные, например, *таслах* «отрывать»/тасрах «отрываться» (ср. русск. *белить/белить*).

ные непереходные глаголы) разделяются на две группы: 1) глаголы, которые могут сочетаться с одушевленным подлежащим, например, *унтах* «спать», *санхайх* «стоять, торчать в виде отдельных предметов» (также и о людях), 2) глаголы, сочетающиеся только с неодушевленным подлежащим, например, *нунтаграх* «быть, становиться порошкообразным». Эти подгруппы обнаруживают и коррелятивные различия деривационного характера: образование социатива (дериват с суф. *-лц*, передающим значение совместного действия) возможно лишь от глаголов первой подгруппы, например, *санхайлцах* «стоять вместе с кем-л. отдельными группами»; кроме того, каузативы глаголов этих подгрупп относятся к разным подклассам, выделяемым по синтаксическим признакам: глаголы 1-й подгруппы образуют каузативы, которые входят в подкласс глаголов типа *алах* «убивать», а каузативы глаголов 2-й подгруппы относятся к подклассам «каузация существования» (глаголы типа *барих* «строить») и «каузация состояния» (глаголы типа *засах* «исправлять»).

6. Более детальному разбиению глаголов на подклассы может служить такой признак, как наличие дизъюнктивной валентности. При этом возможны два вида смены окружения при одном и том же глаголе. Выше описывался случай, когда валентность глагола менялась в зависимости от того, какой семантический тип актанта принимает участие в ситуации (пример с глаголом *тохиолдох* «встречаться, сталкиваться»). Такой тип дизъюнктивного окружения свидетельствует о наличии полисемии, возможно, на грани с омонимией. В зависимости от выбранных критериев для различения полисемии и омонимии мы можем выделить глаголы типа *тохиолдох* в отдельную группу глаголов дизъюнктивного управления либо, установив омонимию, отнести омонимы в соответствующие подклассы, и, тем самым, снять проблему дизъюнктивной валентности такого типа.

Другой вид дизъюнктивной валентности заключается в том, что идентичные актанты могут по-разному оформляться в зависимости от различных ролей, которые они выполняют в данной ситуации. Например, в группе глаголов с общим типовым значением «обрабатывать», к которой относится и упоминавшийся выше глагол *арчих* «вытирать», выделяется подгруппа глаголов, в окружении которых один и тот же актант может обозначаться и как местное, и как инструментальное дополнение. Ср.: *хормойдоо гараа архив* «вытерла руки о подол», *нүдээ хормойгоор архив* — «вытерла глаза подолом» — в первом предложении актант *хормойдоо* «о подол» мыслится как «место» по своей семантической роли, во втором предложении актант *хормойгоор* «подолом» интерпретируется как «инструмент».

Аналогичную дизъюнктивную валентность проявляют глаголы подкласса «соединение объектов», ср. две конструкции, образованные глаголом *ороох* «обертывать»: *гараа даавуугаар ороов* «обмотал руку тряпкой», *даавууг гартаа ороов* «намотал тряпку на руку». Здесь различное оформление актантов связано с актуальным членением, а семантические роли актантов, по-видимому, идентичны.

Разбиение глаголов на подклассы, внутри которых классификационные признаки образуют набор свойств, присущих всем глаголам данного подкласса, позволяет построить грамматический словарь, в котором достаточно указать номер подкласса, чтобы дать представление о его основных синтаксических, семантических и, возможно, морфологических свойствах. Последнее достижимо, если описание подкласса будет включать сведения о деривационных свойствах глаголов (каузатив, пассив и проч.), которые, как правило, коррелируют с синтаксическим и семантическими признаками. Словарная статья, таким образом, будет включать лексикографическое толкование глагола, основанное на элементах значения, выражающих типовые значения глагольных подклассов, и номер синтаксического подкласса. Например, группа глаголов восприятия, характеризующаяся предикатным прямым дополнением, включает глагол *гайзах*, который в современных словарях интерпретируется как «удивляться» [6]. В проектируемом словаре ему будет приписана более верная, на наш

взгляд, интерпретация «воспринимать что-л. как удивительное», потому что русский эквивалент «удивляться» отражает конструкцию («удивляться чему-л.»), не совпадающую с монгольской переходной конструкцией. Указание же на подкласс, к которому принадлежит глагол *гайхах*, дает такую информацию: 1) данный глагол — двухвалентный, переходный, 2) для него типичен предикатный актанта, выражаемый причастием в вин. падеже либо финитной формой глагола с союзом *гэжэ* «что», 3) глагол характеризуется отсутствием бенефактивного значения, 4) глагол образует каузативный дериват пермиссивного типа. Кроме того, следует сделать пометку о том, что данный глагол, в отличие от других глаголов, образующих конструкции с предикатными актантами, редко образует пассив.

В результате более или менее полной характеристики данной лексики в словаре остается привести данные о его лексической сочетаемости (если они окажутся необходимы).

Создание такого словаря не только послужило бы изучению семантико-синтаксических закономерностей в монгольском языке, но имело бы и практическое значение для любой работы, связанной с анализом и синтезом монгольского текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
2. Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
3. Пюрбеев Г. Ц. Типы сложных предложений в монгольских языках. М., 1979.
4. Касьяненко З. К. Современный монгольский язык. Л., 1968.
5. Kuryłowicz J. Dérivation lexicale et dérivation syntaxique. Contribution à la théorie des parties du discours.— In: Esquisses linguistique. Wrocław — Krakow, 1960, p. 41—43.
6. Монгольско-русский словарь. М., 1957.